ПЕРЕД НОВОЙ ДОРОГОЙ

ТЕАТР многолик. Театр — зрелище, праздник для глаза. Театр — трибун, пропагандист идей. Пробудитель чувств... Сказочник, веселый развлекаватель... Кафедра, с которой можно сказать многое... Театр — вслух заговоривший голос совести... Беспощадное и увеличивающее зеркало жизни... Проектор, освещающий спрятанное, сокровенное... Театр — обнажение истины... И всегда — публичность, непосредственное коллективное восприятие... Менее всего театр — беда.

Анатолий Смелянский назвал свою книгу о театре «Наши собеседники». Книга событийна, и поэтому я, актер, берусь за перо. Место и время действия заданы вполне определенно. Место действия — сцены советских театров. Время — семидесятые годы. А вот само действие настолько многообразно, многофигурно, наполнено такими противоречиями, затрагивает столь коренные вековые поиски и прозрения нашей культуры, что книга воспринимается конспектом. Проблема поставлена так, что многое не вместились, да и не могло вписаться. Текст книги плотен. Нигде нет водянистых связей, кусков, написанных «по обязанности», потому что «надо было упомянуть» или «нельзя было повторить». Потому книга нигде не скучна и читается с неослабевающим интересом. И это первое, что хочется отметить.

На форзаце девять портретов: Грибоедов, Гоголь, Островский, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Толстой, Достоевский, Чехов, Горький. Портреты знакомые — пришли из хрестоматии. Знакомые-знакомые лица — они пришли из русского XIX века. И фамилии, и названия их произведений, и имена героев — все знакомое, давнее, привычное, свое. Одно слово — классики.

А теперь откроем наугад любую главу. Глав тоже девять. Слева будет один портрет, таперь уже крупно, во всю страницу, справа — одно великое имя — название главы. Сперва заговорит герой и его современники. И сразу мы попадем в новое, неведомое еще ощущение от личности. Смелянский смело пользуется цитатами, проявляя удивляющую эрудицию. Он сопоставляет крайне неожиданные высказывания и точки зрения. Образуется пестрая и плотная мозаика.

Автор черпает из множества источников сразу. Говорят современники писателя и он сам, говорят его почитатели и критики, подхватывают более поздние исследователи.

И вдруг — реплика из XX века. Одна, вторая... Диалог веков начался. Мозаика дошла до предела пестроты и неожиданно перестает пестрить и складывается в картину, в портрет. Это опять то же лицо, но в нем появились черты новые и волнующие по-новому. Возникает проблема. И тут мы переносимся в дни совсем недавние и оказываемся в такой знакомой обстановке театров Москвы, Ленинграда, Риги, Минска, Кирова... Множество фотографий — чуть не на каждой странице знакомые лица актеров, известные и менее известные имена режиссеров, критиков. Десятки спектаклей, из которых любой из нас видел лишь малую часть. Этот я видел и не забуду — интересно, совпадают ли наши мысли с мыслями автора. А этот видел и забыл, а он напоминает и открывает новое. Этот вовсе не видел, но в мастерском изложении спектакль оживает. Сочетание текста и фотографий создает убедительный зрительный ряд. Будто не только понял, что там было, но и сам поглядел, как там было. И — главное — нет хаоса. Проблема уже поставлена, личность великого писателя развернулась к нам новой живой стороной, и давние муки и прозрения заговорили голосами современных актеров.

Итак, действие книги — русская классическая драматургия на сцене советского театра семидесятых годов.

Анатолий Смелянский — театровед и критик. Он много пишет для газет и журналов. Неоднократно писал он в периодической печати и о тех спектаклях, которые анализирует в книге. Но странное дело — нет ощущения повтора. Когда читаешь газетную статью, рецензию, то в конечном счете более всего обращаешь внимание на оценку — хвалит или ругает, в какой мере хвалит, в какой ругает. Здесь, в книге, все иначе. У автора нет нигде жара полемики. И у читателя не возникает этот жар, даже в случае несогласия с тем или иным положением.

То, про что рассказывается, — совсем недавнее. Более того, оно еще живо — спектакли эти идут, —

пойди, убедись или опровергни. Это все еще с нами, вокруг нас. И все-таки это прошлое. Подведена черта — семидесятые годы. А мы-то уже в 81-м. Так же, как четко автор отделил 70-е годы от 60-х, назвав главным отличием театров двух десятилетий моноличность, исповедальность (60-е) и диалог (70-е). Есть в книге и предостережение того, что сейчас мы уже в новой эпохе, в новом поиске — семидесятые кончились.

И теперь дело не в оценках. Дело в том, что ушедшее в историю десятилетие театра в разрезе классического репертуара было движением вглубь. Драматургия оживала в очередной раз. Восстала вновь из хрестоматий, чтобы обжечь своей силой, верой и горечью. Обжечь и деятелей театра, и зрителей. Смелянский без всякого стеснения пишет: «неудача», «не состоялось». Подробно описав спектакль и даже заинтересовав им читателя весьма и весьма, говорит: а при всем том было скучно. Говорит про своих товарищей, мучившихся работой этой, вложивших в нее весь пыл души и все умение. Но обиды не должно возникать. Говорим о прошлом. О недавнем, но прошлом. Говорим на уровне мышления Гоголя... Достоевского... Толстого: При таких критериях — не обидно. Наоборот. Театр выглядит поднятым высоко в своей способности искать вместе с... Островским... с Чеховым... с Горьким.

Сейчас, в 81-м, мы беседуем о прожитом недавно, беседуем перед новой дорогой.

Так кто же «наши собеседники»? Для меня название многозначно. Это беседа умного и осведомленного критика с актерами и режиссерами. Это беседа с читателем о театре. Но более всего, прежде всего это продолжение беседы современных людей — зрителей с величайшими мыслителями русской культуры, уже далекими и все более близкими, ушедшими и вновь возвращающимися к нам не только через свои книги, но и через великое чудо театра.

Книга Анатолия Смелянского издана в 1981 году в издательстве «Искусство» тиражом 25 тысяч экземпляров. Это не мало. Очень советуем прочесть.

Сергей ЮРСКИЙ.

368